
УДК 81'42

ББК 81.0

М 15

Макурова С.Р.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: susanna04@rambler.ru

Имплицитность, подтекст и лексико-морфологические категории (Рецензирована)

Аннотация:

Анализируется имплицитность плана содержания ряда лексико-грамматических единиц и их роль в формировании подтекста в художественном дискурсе. В свете когнитивных исследований стало еще более очевидным, что план содержания гораздо шире плана выражения. В этой связи грамматические (морфологические) категории наименее изучены как маркеры «глубинных» смыслов, раскрывающихся в художественном контексте. Установлено, что подтекст не имеет специфических собственно языковых средств репрезентации: он может быть обнаружен только в рамках комплексного подхода к художественному тексту в целом, в структуре которого каждый элемент, в том числе морфологического уровня, может стать сигналом подтекста.

Ключевые слова:

Имплицитность, эксплицитность, подтекст, лексико-грамматические категории, план содержания, план выражения, текстовые категории, онимы.

Makerova S.R.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology of the Adyghe State University, e-mail: susanna04@rambler.ru

Implication, message and lexico-phraseological categories

Abstract:

The analysis is made of the implication plan of some lexical-grammatical units as well as its place in constituting literary discourse. Latest cognitive research works revealed that content plan is much broader than expression plan. In this connection grammatical (morphological) categories should be properly investigated as markers of the “covert” messages revealed within the general context. It is established that message has no specific language means of representation: it can be found only within an integrated approach to the fiction text as a whole in structure of which each element, including at morphological level, can become a message signal.

Keywords:

Implication, explication, message, lexical-grammatical categories, content plan, expression plan, text categories, onyms.

Развитие когнитивистики обусловило пристальный интерес лингвистов к имплицитным компонентам, не получившим формального выражения в тексте, но

все же присутствующим, а значит - оставляющим какие-то следы в структуре языковых образований. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «человек воспринимает больше, чем может выразить язык. За его пределами остается несказанное, невыразимое, ненареченное, неизреченное» [1: 433]. Имплицитность есть следствие фундаментального свойства языка, состоящего в том, что план содержания оказывается гораздо шире и объемнее, чем план выражения. Именно поэтому имплицитность нередко трактуется предельно широко – с включением всех проявлений неполноты высказывания. Однако, на наш взгляд, более правомерна та точка зрения (Е.И. Шендельс и др.), согласно которой имплицитность и неполнота толкуются как разные сущности: «имплицитный» значит ‘скрытый, подразумеваемый, не выраженный’, а не ‘сокращенный, редуцированный’.

Помимо формальной неполноты, с феноменом имплицитности соотносятся так называемые «скрытые категории» (термин «скрытая» – *covert* – категория введен Б. Уорфом). Они определяются как подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке. Такова семантика пола, имплицитно представленная в формах типа *учитель* (если речь идет о женщине) или семантика множественности в генерических высказываниях, которые опираются на форму единственного числа (*рыба дышит жабрами, гадюка ядовита*). Экспликация «скрытой» категории находит, однако, свое выражение, поскольку существует определенное сочетаемостное правило.

Дихотомия эксплицитного и имплицитного является отражением дихотомии языка и мышления; о возможности невербального мышления [2; 3]. В отличие от эксплицитного, которое существует «на поверхности», имплицитное присуще глубинным уровням языка. Изучение глубинных связей содержания языковых структур с их реальными и когнитивными коррелятами – это важнейшая и ак-

туальнейшая проблема современной междисциплинарной науки.

Можно сказать, что всякое высказывание с имплицитным смыслом есть «снятое» рассуждение: за названием факта кроется логическая цепь умозаключений, представляющая собой разъяснение истинной и полной сути факта, являющегося предметом речи. Поэтому постижение имплицитных звеньев – это всегда рассуждение. Адресат делает выводы о большем, чем фактически сказано, и постижение идет не только из эксплицитного, но из сочетания эксплицитного и собственных возможностей (фоновых знаний, культуры оперирования языковыми знаками и т.д.).

Имплицитность – неотъемлемое свойство художественного повествования, согласуемое с общими законами искусства. «Мы не приемлем младенца из купели и не провожаем его до поздней старости и наконец до гроба, со дня на день исправляя с ним рачительно ежедневные завтраки, обеды, полдники и ужины. Мы верим на слово автору, что герой его или героиня едят и пьют, как и мы, грешные, и требуем от него, чтобы он нам показывал их только в решительные минуты...», - почти 200 лет назад писал критик П.А. Вяземский [4: 74].

Другой аспект проблемы, а именно то, что краткое описание с помощью характерологической детали может быть неизмеримо более информативным, чем длинное и подробное, затрагивает Л.Н. Толстой, когда говорит о «ставшей невозможной манеры описаний, логично расположенных: сначала описания действующих лиц, даже их биографии, потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие. И странное дело, - все эти описания, иногда на десятки страниц, меньше знакомят читателя с лицами, чем небрежно брошенная художественная черта во время уже начатого действия между вовсе неописанными лицами» [5: 16]. Активное сотворчество читателя, на

которое ориентируется писатель, позволяет избегать многословности. Категория имплицитности тесно связана с категорией подтекста. Термин «подтекст» самой внутренней формой неотделим от текста. Понимание его в качестве базовой единицы текста традиционно (Т.И. Сильман, И.Р. Гальперин, Р.А. Унанбаева, Л.А. Исаева, М.И. Александрова и мн. др.). Так, И.Р. Гальперин считает подтекст грамматической категорией текста, поскольку, наряду с другими категориями – информативностью, завершенностью, подтекст выражает определенное грамматическое понятие и обладает системой конкретных форм реализации [6]. Ср. также: «Смысл и языковой материал существуют «нераздельно» и «неслиянно». Они не тождественны друг другу, и между ними существуют множественные соотношения: любое движение мысли может получить бесконечное число языковых перевоплощений, так же, как любой «кусок» языкового материала может получить бесконечное число переосмыслений» [7: 292].

У подтекста выделяются следующие характеристики: 1) подтекст информативен, связан с текстовой категорией информативности; 2) подтекст невозможно обнаружить в результате стандартных аналитических операций, которые применяются при обнаружении информации, например, в случаях формальной неполноты (типа эллиптических и неполных предложений); 3) подтекст может формироваться как спонтанно, так и быть следствием авторской интенциональности (в пользу спонтанности говорят многочисленные случаи неожиданных для автора реакций общественности на содержание его текста); 4) наиболее типичным способом порождения подтекста является какая-либо аномалия – речевая, логическая, коммуникативная.

Подтекст нередко понимается как сознательно избираемая автором манера художественного представления явлений, которая имеет объективное выраже-

ние в языке произведений [8: 72]. Есть авторы, в большей или меньшей степени склонные к использованию подтекста, и есть определенные жанры, для которых подтекст – неперемный атрибут (например – жанр пародии или анекдота). Бесспорно и то, что степень обязательного восприятия скрытых смыслов не одинакова для различных текстов. Так, сюжетные художественные тексты с собственной фактуальной информацией, обладающие, безусловно, и имплицитными смыслами, все-таки могут быть (хотя бы в общих чертах, поверхностно) поняты и без проникновения в эти смыслы (ср. массовое восприятие романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», ставшего принадлежностью школьной программы).

Полагаем, что правы те авторы, которые понимают подтекст как облигаторный элемент художественного текста и на этом основании относят его к универсальным текстовым категориям. Ср. мнение Г.И. Богина [9: 20-21] о том, что подтекст и общий смысл художественного текста являются взаимосвязанными и универсальными свойствами художественного текста.

М.И. Александрова пишет о том, что различия имплицитных смыслов и подтекста состоит в том, что последние способны к генерации новых смыслов [10: 9]. Имплицитные смыслы, считает М.И. Александрова, декодируются с опорой либо на совпадение фоновых знаний автора и читателя, либо на совпадение пропозиций и общих представлений о структуре языка; для декодирования подтекста предполагается возможность как совпадения указанных параметров, так и актуализация представлений, не связанных напрямую с заложенным автором имплицитным содержанием. Таким образом, широкое понимание подтекста диктуется самими особенностями художественного текста. Свое окончательное воплощение подтекст получает на уровне всего художественного текста.

Иные тексты, особенно поэтиче-

ские, теряют всякий смысл без учета имплицитного содержания. Соотношение имплицитного и эксплицитного в художественных текстах зависит от множества обстоятельств – природы дарования автора, эстетических установок, приверженности к определенным канонам стиля, направления и т.п. Есть авторы, заставляющие нарратолога расшифровывать многочисленные символы, декодировать бесчисленные аллюзии, буквально «распутывать» текст. Так, в современном набоковедении распространена гипотеза, согласно которой эксплицитное в произведениях В. Набокова является аспектом второстепенным или даже периферийным. Но в любом случае у любого автора эксплицитное проявляет свою полную значимость только в свете имплицитного.

Грамматические особенности речи персонажа нередко служат созданию подтекста эпизода или текста в целом. Особенно велика роль в формировании подтекста различных грамматических девиаций. Индивидуальный слог большого писателя основан не на преднамеренных нарушениях грамматического канона, а на широком понимании последнего. В текстах А.И. Солженицына неузуальная грамматическая форма нередко передает важную когнитивную информацию в сочетании с эмоционально-экспрессивной оценочностью. На одну из таких форм обратил внимание исследователь творчества А.И. Солженицына Ж. Нива [11: 225]. Персонаж романа «В круге первом» инженер Герасимович, несмотря на «приманку досрочного освобождения», отказывается участвовать в разработках, которые могут быть обращены во зло людям. Слова Герасимовича *Я не ловец человеков...* соотносятся со словами Христа, обращенными к Симону и Андрею: «Я сделаю всех ловцами человеков» (Книга Нового Завета, От Матфея, IV). Так неузуальная (но, безусловно, намеренная) плюральная форма соотносит происходящее в сталинской «шарашке» с библейским сюжетом и придает всему

происходящему смысл притчи.

Мощным имплицитным потенциалом обладает такой лексико-грамматический разряд имен, как онимы. Так, антропонимы обладают подтекстовыми значениями, опирающимися на экстралингвистические ассоциации, связанные с именами (анalogии с историческими деятелями или лицами, значимыми для создателя антропонима, персонажами литературных произведений и т.п.). Подтекстовые значения антропонима могут опираться и на собственно языковую природу имени. Грибоедовский *Чацкий* намекает на возможный прототип – фигуру П.Я. Чаадаева, и это достаточно прозрачный намек, который восприняли современники. Символичны и глубоко мотивированы имя и фамилия *Родиона Раскольников*: имя ассоциируется с Родиной, а фамилия – с расколом в сознании персонажа и в жизни всей страны, то есть в имени и фамилии заложены противоречивые, взаимоисключающие смыслы (в имени – родство, неразрывная связь с людьми, в фамилии – раскол, разъединение, распад человеческих связей). «...уловив подтекст имени, читатель обогащен в своем восприятии образа, ибо он, читатель, кроме всего прочего, расширяет тайные знаки субъективного авторского отношения к герою; иначе говоря, образ получает в имени не вывеску, наперед разъясняющую читателю, с чем он имеет дело, а лишь своеобразный аккомпанемент» [12: 11].

Онимы – одно из наиболее часто используемых средств создания аллюзивной имплицитной информации. Ср. роль имени библейского персонажа, обращением к которому передается душевное состояние «сломленного» Билла в знаменитом рассказе О’Генри:

By and by, Bill sits up and feels behind his ear and says, ‘Sam, do you know who my favorite Biblical character is?’

‘Take it easy,’ say I. ‘You’ll come to your senses presently.’

‘King Herod,’ says he. ‘You won’t

---

go away and leave me here alone, will you, Sam?’ (O. Henry “The Ransom of Red Chief”).

Ср. также:

But now a thin wisp of pale smoke curled up from the roof. It was no longer deserted. My first feeling was one of resentment, a Crusoe-like resentment, since the solitude of the south side of the island must now be spoilt and I had come to feel possessive about it.

Nothing appeared, everything waited. For the second time that day I felt like Robinson Crusoe (Fowles J. “The Magus”).

Find out when the trial is set and get a lawyer down. A good one, and I mean a good one that’ll know how to handle it... but don’t get a guy that wants his name in lights... Get somebody looks like hi didn’t sing with a dance band...

“All right”, I said, and wrote in my notebook: “Abe Lincoln type” (R.P. Warren).

Оним *Abe Lincoln* лаконично передает содержание нескольких высказываний и выступает как символ (в понимании В.В. Виноградова). Как известно, в этой концепции символа выделяются три позиции: 1) символы – органические элементы художественного текста, которые не задаются заранее, но извлекаются из текста; 2) значение символа обусловлено структурой и всей композицией текста; 3) символы могут формально совпадать с любой единицей языка, но это совпадение по сути своей представляет собой омонимию. Думаем, что и прецедентный оним в

этом смысле не отличается от любой другой единицы языка, поскольку в тексте актуализируются только определенные (некоторые из возможных) семантические и прагматические компоненты его смыслового содержания.

Анализируя фразу *Я тоже хочу быть маркизой Помпадур при Людовике и Марой при Мойдодыре, что почти одно и то же* из рассказа В. Токаревой «Первая попытка», М.И. Александрова справедливо пишет о том, что имплицитный смысл, связанный с онимом, не исчерпывается знаковыми характеристиками упоминаемых исторических персонажей. Подтекст здесь может быть расшифрован как «экзистенциальное отчаяние повествователя, его онтологический страх остаться «обесцвеченной», уныние и предельную форму тоски при созерцании мира и самого себя; повествователь испытывает сложное мрачное чувство, глубокое неопределенное страдание, тяжелейшую депрессию...» То есть оним выступает как один из инструментов извлечения импликатур, и эта его функция может быть осуществима в широком контексте ситуации или, по другой терминологии, в вертикальном контексте.

Подтекст не имеет специфических собственно языковых средств репрезентации: он может быть обнаружен только в рамках комплексного подхода к художественному тексту в целом, в структуре которого каждый элемент, в том числе морфологического уровня, может стать сигналом подтекста.

Примечания:

1. Арутюнова, Н.Д. Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. 896 с.
2. Серебренников Б.А. К проблеме «язык и мышление» (всегда ли мышление вербально) // Известия Ан СССР. Сер. л-ры и яз., 1977. № 1. С. 9-17.
3. Кривонос А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 23-27.
4. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. 160 с.
5. Чернец Л.В. О принципе недоговоренности в художественной литературе // Филологические науки. 1992. № 1. С. 10-20.

-
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 7-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 144 с.
  7. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
  8. Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной прозе (на материале прозы Э. Хемингуэя) // Филологические науки. 1974. № 1. С. 38-52.
  9. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуализации текста // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 12-22.
  10. Александрова М.И. Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013. 24 с.
  11. Нива Ж. Мир Солженицына. М.: Прогресс, 1990. 101 с.
  12. Магазанник Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967. 211 с.

References:

1. Arutyunova N.D. Language about language. M.: Yazyki russkoi kultury, 2000. 896 pp.
2. Serebrennikov B.A. On the problem of «language and thinking» (whether thinking is always verbal) // The USSR AS News. Series of literature and language, 1977. No. 1. P. 9-17.
3. Krivonosov A.T. «Text linguistics» and the study of interrelations of language and thinking // Problems of Linguistics. 1986. No. 6. P. 23-27.
4. Vyazemsky P.A. Esthetics and literary criticism. M., 1984. 160 pp.
5. Chernets L.V. On the principle of incompleteness in fiction // Philological sciences. 1992. No. 1. P. 10-20.
6. Galperin I.R. Text as an object of linguistic study. 7th ed. M.: LIBROKOM, 2009. 144 pp.
7. Gasparov B.M. Language, memory, image. Linguistics of language existence. M.: Novoe lit. obozrenie, 1996. 352 pp.
8. Kukharenko V.A. Types and means of implication expressions in English literary prose (based on E. Hemingway's prose) // Philological sciences. 1974. No. 1. P. 38-52.
9. Bogin G.I. Speech genre as a means of text individualization // Speech Genres. Saratov: College, 1997. P. 12-22.
10. Aleksandrova M.I. A subtext in the first person narrative: a cognitive and pragmatical aspect: Diss. for the Cand. of Philology degree. Rostov-on-Don, 2013. 24 pp.
11. Niva Zh. The world of Solzhenitsyn. M.: Progress, 1990. 101 pp.
12. Magazannik E.B. Poetics of proper names in the Russian classical literature: Diss. for the Cand. of Philology degree. Samarkand, 1967. 211 pp.